

Путешествие «Неизвестной с розой» The Journey of "A Woman with a Rose"

Он умер в 1990 году, за несколько дней до открытия своей выставки в жосси, о которой мечтал всю жизнь. В кретьяковской галерее уже была развернута его экспозиция: Дивные пейзажи Тзраиля, яркие, сочные натюрморты и, конечно, так долгие годы помогавший мастеру вид русской церкви в Гефсимане. Бечеть Гмара и Дамасские ворота – символы Терусалима, города, где прошла основная часть жизни, были выплеснуты им на холсты со всем размахом его удивительного таланта. Дарование блистательного израильского мастера Александра Копеловича, воспевшего Терусалим и всю жизнь считавшего себя русским художником, вызывал неподдельное восхищение.

HIS LIFE ENDED JUST A FEW DAYS BEFORE THE OPENING OF HIS FIRST EXHIBITION IN RUSSIA – AN EVENT OF WHICH HE HAD DREAMED FOR HIS ENTIRE LIFE. THE TRETYAKOV GALLERY WAS READY TO PRESENT TO THE PUBLIC A NUMBER OF HIS MASTERPIECES: THE BRIGHT AND "JUICY" STILL-LIFES, THE DIVINE LANDSCAPES OF ISRAEL, AND THE VIEW THAT HAD INSPIRED THE MASTER FOR MANY YEARS – THE RUSSIAN CHURCH IN GETHEMANE. THE TRUE SYMBOLS OF JERUSALEM, THE CITY WHERE THE ARTIST SPENT MOST OF HIS LIFE – THE MOSQUE OF OMAR AND THE DAMASCUS GATES – FLOODED HIS CANVASES WITH WAVES OF BEAUTY AND TALENT. YET THE BRILLIANT ISRAELI ARTIST ALEXANDER KOPELOVICH ALWAYS CONSIDERED HIMSELF A RUSSIAN PAINTER.

Kopelovich did visit Moscow about a year before the opening of his exhibition. At the time the USSR had softened its hostile policies, giving its citizens an opportunity for some freedom to travel, and allowing immigrants to visit their homeland. When Kopelovich was in Moscow, he could hardly wait for dawn to go out and make sketches of the Kremlin and the beautiful cityscapes of the capital. In his unbelievably large apartment in Jerusalem, Kopelovich often entertained his friends and newly-arrived immigrants, and never lost an opportunity to inquire about the state of affairs in Russia. He remained a child – and, like a child, he cherished his hopes for a better world. With special pride, the artist showed his guests around his studio, with its breathtaking view from the

Д.ГЛЕВИЦКИЙ ▶
Портрет неизвестной с розой
Холст, масло
81×62

DMITRY G. LEVIZKY ▶
A Woman with a Rose
Oil on canvas
81 by 62 cm

За год до открытия выставки, когда в еще существовавшем СССР наступили новые времена, Александр Давидович Копелович все-таки посетил Москву. Казалось, он не мог дождаться рассвета, чтобы скорее писать Кремль и московские пейзажи. А в Иерусалиме, в своей огромной квартире, с нетерпением ожидал встречи с первыми, свободно прибывавшими из СССР. Теми, кто, в отличие от предыдущих лет, приезжал уже не навсегда. Копелович жадно расспрашивал их о происходящем, ведь он, как ребенок, всегда верил во все хорошее.

Он с гордостью демонстрировал гостям свою мастерскую как раз напротив Дамасских ворот. Там, с третьего этажа, Александр Давидович любовался Старым городом и разноцветным людским потоком к Гробу Господню и Стене Плача. Копелович, как никто другой, умел передать весь фейерверк красок великого города.

Времена бывали разные – войны, терроризм, но никому не удалось уговорить Александра Давидовича оставить любимую студию. Он в ней и умер в одночасье, у неоконченной картины.

Его отец, Михаил Хавин, был врач и за свое удивительное мужество получил звание офицера царской армии; для уроженца черты оседлости –

Александр Копелович
и Тайр Салахов

Alexander Kopelovich
and Tair Salakhov

событие не самое обыденное. Впоследствии Михаил Хавин погиб от холеры, спасая от страшной «гостыи» население Туркестана.

Мать, чью фантастическую красоту так изящно запечатлел М.Добужинский, происходила из известной еврейской семьи Либо. После смерти мужа Полина Хавина вышла замуж за коллекционера Давида Копеловича, который и усыновил маленького Александра.

Коллекция Копеловича так и путешествовала вместе с его приемным сыном. Там были работы Валентина Серова, большое полотно Бориса Кустодиева «Пикник», эскизы Михаила Добужинского и Сергея Судейкина. Была великолепная картина Поленова «Зима». Но главной «жемчужиной» собрания, конечно, являлся «Портрет неизвестной с розой» работы Д.Левицкого, впоследствии подаренный по воле мужа вдовой Александра Давидовича Советскому фонду культуры и ныне украшающий зал великого портретиста екатерининской эпохи в Третьяковской галерее.

Сама картина заставляла долго ломать голову искусствоведов – она не значилась ни в одном каталоге. Дивное изображение томной красавицы не вошло в книгу Сергея Дягилева

«Русская живопись в XVIII веке. Том первый. Д.Г.Левицкий. 1735–1832», вышедшей в 1902 году и с тех пор безоговорочно ставшей настольной для любого, кто соприкасался с историей русского искусства золотого екатерининского века.

Великий импресарио установил 92 портрета, которые точно принадлежали кисти Левицкого, и 15 портретов, местонахождение которых было неизвестно. К своей работе Дягилев приложил хронологическую таблицу портретов, созданных Дмитрием Григорьевичем с 1769 по 1818 года. Но никаких следов «Неизвестной с розой» там не было и в помине.

Не оказалось портрета загадочной красавицы и в каталоге знаменитой выставки Левицкого в Третьяковской галерее, открывшейся 31 декабря 1922 года. Однако наш известный искусствовед Людмила Маркина сделала просто фантастическое открытие. Работая со старыми негативами, она увидела «Неизвестную», висевшую на этой экспозиции на стене вместе с другими работами Левицкого. Но в каталоге выставки, который делал не кто-нибудь, а сам Игорь Грабарь, опять не было упоминания о картине!

Однако Маркина сумела найти ключ к этой почти мистической исто-

third floor onto the Damascus Gates, the Old Town, the Lord's Tomb and the Wailing Wall – onto the city of Jerusalem, with its most famous monuments and multi-racial streams of people, which he depicted so skillfully. Neither terrorism, nor wars, nor even Kopelovich's friends could convince the painter to leave his comfortable, and comforting, studio. And it was there that he died, quite unexpectedly, in front of his easel and an unfinished painting.

His father, Mikhail Khavin, was a doctor who was awarded the position of an officer in the imperial army for his bravery, an achievement very unlikely for a Jew born in the "Pale of Settlement" at the time. He later died of cholera, trying to save the population of Turkestan, in Russian Central Asia, from the disease. Kopelovich's mother, whose exquisite beauty was so brilliantly depicted by the great artist Dobuzhinsky, came from the famous Russian Jewish family, the Libos. After the death of her husband, Polina Khavina re-married the art collector David Kopelovich, who adopted her child, Alexander. From that time, Kopelovich's extensive collection always travelled with his adopted son. Many truly remarkable works of art found their place in that collection: paintings by Serov, Kustodiev ("The Picnic"), sketches by Dobuzhinsky and Sudeikin, and even a huge masterpiece, Polenov's "Winter". Yet the real "pearl" of the collection was Levizky's "A Woman with a Rose", which is now one of the greatest embellishments of the Levizky hall of the Tretyakov Gallery. This painting, by one of the most outstanding artists of the era of Catherine the Great, was donated to the Russian Cultural Foundation by Mrs. Ray Kopelovich his widow.

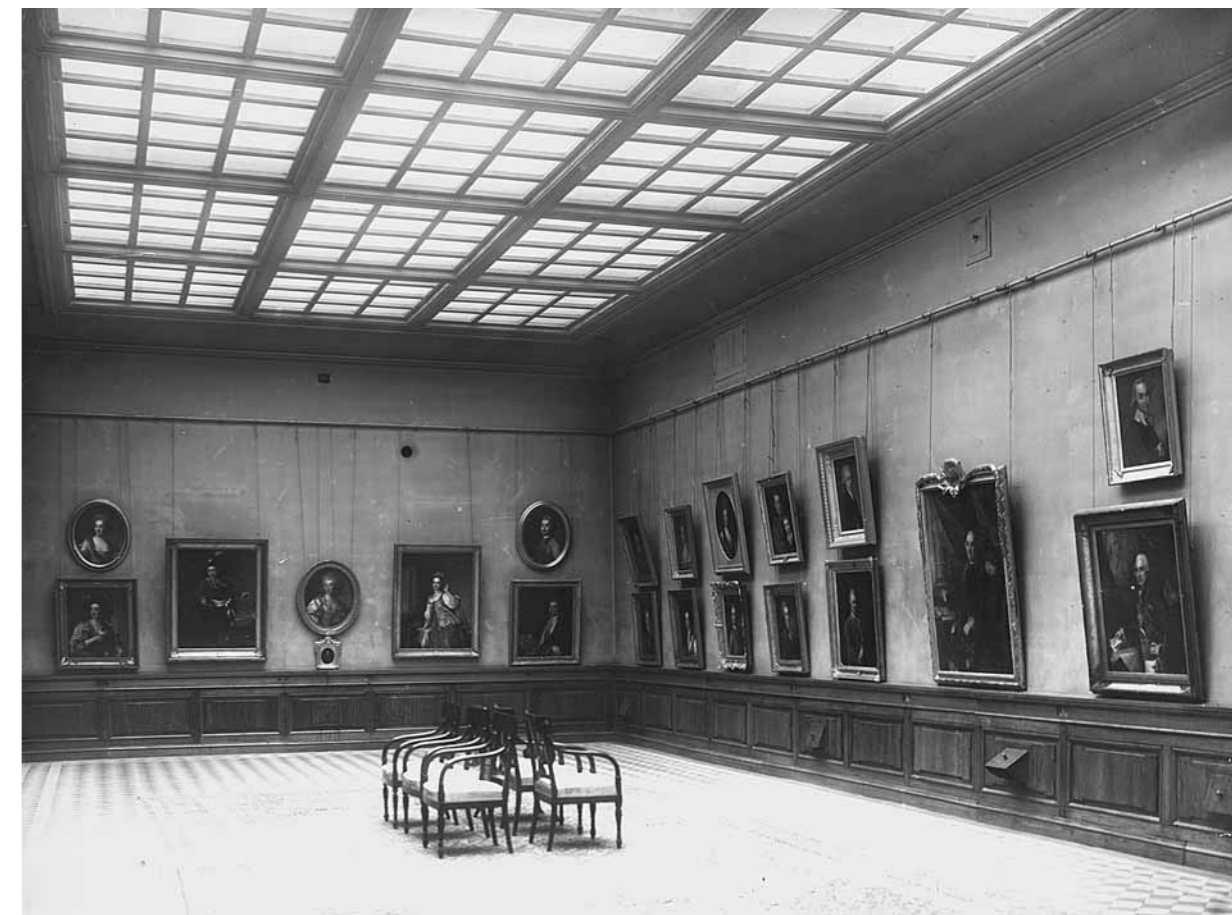
The painting itself was a mystery for art lovers and critics for a long time. The exquisite depiction of a magnificently beautiful woman was not included in Diaghilev's encyclopaedic edition, "Russian Painting of the 18th Century. Volume I: D.G. Levizky 1735-1832", published in 1902 which later became the ultimate authority and reference book for all interested in Russian art of the "golden" 18th century.

рии. Все дело в том, что и выставка, и каталог готовились в страшной спешке, ряд картин из других музеев России и частных собраний появились в Третьяковке в самый последний момент. Рукописные экземпляры каталога были направлены в Главлит лишь 29 декабря. А в Отделе рукописей Третьяковской галереи Маркина обнаружила копию следующего письма, датированного 30 декабря. «Давиду Самойловичу Копеловичу. Государственная Третьяковская Галерея просит Вас дать на временное помещение на выставке в ознаменование столетней годовщины со дня смерти художника Д.Г.Левицкого портрет "Неизвестной" работы Левицкого из собрания П.О. либо сроком на один месяц. По окончании выставки портрет будет Вам возвращен». Таким образом, работа, будучи на выставке всего месяц, так и «ускользнула» от внимания исследователей.

По словам искусствоведа Саввы Дудакова, много лет дружившего с Александром Копеловичем, тот рассказывал ему, что «Неизвестная» была приобретена его отчимом в 20-х годах. Тогда Давид Самойлович собирался купить у Марка Шагала иллюстрации к «Мертвым душам», но в последний момент передумал и истратил сто червонцев на Левицкого. К слову, и коллекционер, и его сын всегда называли этот портрет «Смолянкой». Однако, и это подтвердила экспертиза Третьяковской галереи, сделанная по просьбе Фонда культуры в мае 1990 года, на картине читается дата «1788». К тому времени Левицкий уже закончил свою серию портретов воспитанниц Смольного института. Ни подлинность подписи, ни дата сомнений у членов экспертного совета не вызвали.

В дальнейшем история полотна Левицкого оказалась накрепко связанной с бурными событиями русской истории только что завершившегося столетия. Вместе с родителями Александр Давидович в 1925 году переехал в Ригу. Там на долгие годы он стал любимым учеником великого русского пейзажиста Виноградова.

Сергей Арсеньевич Виноградов не вернулся в Россию из США, где он представлял выставку русского ис-

Один из залов юбилейной экспозиции призывений Д.Г.Левицкого 1922 года в Государственной Третьяковской галерее, на которой впервые была представлена «Неизвестная с розой»

One of the halls of the Tretyakov Gallery where Levizky's «A Woman with a Rose» was first exhibited in 1922

The great impresario Diaghilev managed to make a list of 92 portraits that were for certain by Levizky, as well as 15 works whose location was unknown. In addition to this, Diaghilev also created a chronological table of all Levizky's works dated from 1769 to 1818, yet the mysterious "Woman" was not among them.

Nor was the painting in the catalogue of Dmitry Levizky's famous 1922 exhibition at the Tretyakov Gallery. However, the well-known Russian art critic Lyudmila Markina made a stunning discovery: while looking through old negatives of pictures from the exhibition, she saw the painting hanging on the wall of the Tretyakov Gallery. Nevertheless, it remained unclear why the painting was missing from the catalogue, which was composed by such a great expert as Igor Grabar. However Markina managed to find the key to this mysterious story: it turned out that both the exhibition and the catalogue were prepared in such a great hurry that some works were sent from different museums all over Russia only at the last minute. The handwritten text of the

catalogue was sent to the State Literary Department only on December 29. When Markina checked the archives of the Gallery, she found a letter addressed to D.S. Kopelovich, dated December 30: it asked Kopelovich to lend the Tretyakov Gallery the "Portrait of a Woman" from Libo's collection for the time of the exhibition dedicated to the centenary of the death of Levitzky. The portrait was to be returned to the owner when the exhibition was over: thus the painting "escaped" the attention of the art experts. According to the art critic Savva Dudakov, who had been on friendly terms with Alexander Kopelovich, the step father of the artist, D.S.Kopelovich bought the painting in the 1920s; he was initially planning to buy Chagall's illustrations to Gogol's "Dead Souls", but changed his mind at the last minute and spent the money (100 chervonets) on the Levizky. Both Alexander Kopelovich and his stepfather always called the woman in the painting the "Smolyanka" – a student of the Smolny Institute for noble young ladies – and expert research by the Tretyakov Gallery proved that the date

on the painting (1788) corresponded to the period when Levizky completed his series of portraits of young women attending the Smolny Institute. The authenticity of the signature, and the date remain beyond doubt to the Gallery's experts.

The final part of the portrait's long journey was directly and inevitably connected with the numerous events that took place at the turn of the century, and which had a drastic effect on the Kopelovich family. Alexander Kopelovich moved to Riga in 1925 with his parents, and it was there that he met the great Russian landscape painter and academician Sergei Vinogradov, who would later become Kopelovich's mentor and teacher. Vinogradov, who had left Russia to present his exhibition in the United States but subsequently returned to Riga, had always been a true symbol of the genuine Russian artist to most art critics. Since Vinogradov had no children, Kopelovich found a "new father" in the great artist; Kopelovich would always speak of Vinogradov with great warmth and respect. In the booklet devoted to his long-awaited exhibition, Kopelovich explained that he had a special reason to love everything that was Russian: it was due to the fact that he – as a young boy of thirteen – had met Vinogradov, and since then had cherished his love for Russia and loved everything in any way related to the country. Vinogradov not only taught him the laws of drawing and colouring, but also introduced him to the treasures of Russian literature: Pushkin's "Eugene Onegin", Dostoyevsky's "The Brothers Karamazov", Bunin's "Mister from San-Francisco"... Vinogradov used to read aloud passages from great Russian books, such as Tolstoy's "The Death of Ivan Ilyich" or "Kholstomer. A Story of a Horse". Among Vinogradov's friends were some really outstanding artists of his time, and having Vinogradov as his "spiritual father" and mentor not only served him well as a painter, but made him a personality. "His memoirs about his meetings with Tolstoy, Levitan, Vrubel, Serov and especially his closest friends, Fyodor Shalyapin and Konstantin Korovin, are unforgettable. I will always remember my respected

А.КОПЕЛОВИЧ
В мастерской
Холст, масло
68x54

Alexander
KOPELOVICH
In the artist's studio
Oil on canvas
68 by 54 cm

куства в 1924 году, а остался в Риге, где долгие годы для очень многих был символом подлинно русского живописца. У него не было детей, и Александр Копелович обрел в нем нового отца. Вот что писал сам Александр Давидович в буклете, подготовленном к открытию долгожданной выставки в Третьяковской галерее: «...У меня есть особая причина любить все русское. После приезда в Ригу я тринадцатилетним мальчиком начал учиться живописи у большого русского художника академика С.А.Виноградова... Он открывал мне не только законы рисунка и колорита, но и богатство русской литературы, познакомив с Татьяной Лариной и Евгением Онегиным, "Братьями Карамазовыми" и "Господином из Сан-Франциско". Виноградов читал ученикам вслух "Холстомера" и "Смерть Ивана Ильича".

А как интересны были его воспоминания о встречах со Львом Толстым, Исааком Левитаном, Михаилом Врубелем, Валентином Серовым и особенно ближайшими друзьями – Федором Шаляпиным и Константином Коровиным! Я всегда буду хранить память о моем любимом учителе

и духовном отце, Сергее Арсеньевиче Виноградове».

Талант Копеловича, кроме Виноградова, высоко оценил Добужинский, а во время приездов удивительно одаренного юного рижанина в Париж на него обратила внимание Серебрякова и в письме к матери Александра предрекла ее сыну великое будущее. А затем в жизнь уже сложившегося мастера вошла Святая Земля.

В канун Второй мировой, когда горячий жар печей нацизма уже начал обжигать Европу, Копелович неоднократно бывал в Палестине. Писал под немилосердным солнцем, когда начинали течь масляные краски. Он иногда оказывался под огнем – тогда уже вовсю полыхала интифада, но продолжал писать. Писать неповторимые пейзажи и портреты евреев и арабов, писать то, что впоследствии прославило его на весь мир.

В 1939 году, уже в разгар мировой бойни, Александр Давидович и его жена, балерина Рей, оказались в Иерусалиме без всяких средств. После первых спокойных дней, когда стало пропадать сознание близости смерти, выяснилось, что надо было хоть чем-то зарабатывать на жизнь. И Копелович, остановить которого, казалось, не могло ничто, нашел выход.

Они с женой стали изготавливать краски. Сначала приходилось растирать краски вручную... Прошло несколько лет, и краски, изготовленные на фабрике Копеловича, уже расходились по всему миру. Призрак нужды отошел в небытие, и мастер смог посвятить себя живописи.

Поразительно, но коллекция отца также не пропала в огне мировых бедствий. Из Латвии Александру Давидовичу удалось переправить ее в Израиль.

Путешествие коллекции могло бы стать сюжетом большого детективного романа. Ящики, среди которых, естественно, была и «Неизвестная с розой», оказались в Триесте. Оккупация, бомбежки, реквизиции – а коллекция уцелела. Дядя Александра Давидовича, который тогда служил в британских войсках, отыскал на одной из железнодорожных станций, на

teacher and "spiritual" father Sergei Arsenievich Vinogradov", wrote Kopelovich.

Besides Vinogradov, Kopelovich's talent was noted by Dobuzhinsky, and then this extremely gifted young man came to Paris from Riga, where he met with Zinaida Serebryakova, who in a letter to the painter's mother, predicted a great future for her son. And then the Holy Land entered the artist's life.

By the beginning of World War II, as the Nazi incinerators were starting to work all over Europe, Kopelovich had visited Palestine a number of times. He painted the masterpieces that would later make him famous: he "recorded" the everyday life of Jews and Arabs. He would paint under the burning and merciless sun, when the oil paints would start to melt and drip; he was painting as if under fire – no intifada could stop him. In 1939, at the beginning of the World War II, Alexander Kopelovich and his wife, the ballerina Ray, ended up in Jerusalem with almost no means of subsistence. After their first few days there, after the fear of death had started to ease a little, the couple found that they immediately had to find jobs, and the unstoppable Kopelovich found a way out. He and his wife began making paints: at first they had to make them literally by hand, but with time the paints made at the Kopelovich factory were acclaimed around the world, and the couple were no longer troubled by financial difficulties, allowing Kopelovich to devote himself totally to art. It is amazing that his father's collection was neither lost nor damaged in the calamities of the world of the time, and that he managed to rescue his step-father's collection and bring it to his new homeland from Latvia. However, the trip to Israel was not an easy one for the collection: some of the containers, including the one with "A Woman with a Rose" somehow turned up in Trieste. Miraculously, the collection escaped both numerous bombings and the Nazi occupation. Kopelovich's uncle, who was serving in the British Army, managed to find it in one of the city's

А.КОПЕЛОВИЧ
Фрукты
Холст, масло
66x51

Alexander
KOPELOVICH
Fruits
Oil on canvas
66 by 51 cm

railway stations which was then under the control of Yugoslav partisans. Later he organized its transportation to Naples, and from there to Israel by sea. Thus, after a few more such "adventures", Kopelovich once again received his step-father's great treasure.

Kopelovich was a regular visitor to Paris. He often exhibited there and, in 1980, he received the award of one of the best artists of France. In 1983, he was awarded the International Art Critics' Association award in New York. His exhibitions were extremely successful both in Europe and the United States. The artist had travelled much in his life, yet he always had one true passion – a passion for Russia. He died just two days short before the fulfilment of his dream.

And today, when the visitors of the Tretyakov gallery see the "Portrait of a Woman with a Rose" in the Levizky hall, a painting in which the talent of one of the greatest Russian masters truly "burst" out on canvas, it is impossible not to remember Alexander Kopelovich – a wonderful artist and a genuine keeper of timeless, eternal treasures.

Olga Zemljakova, Victor Leonidov

ходившихся под контролем югославских партизан, драгоценный груз из Риги. Он смог переправить ящики в Неаполь, а оттуда морем в Эрец-Исраэль. Так Александр Давидович вновь обрел сокровища своего отца.

Копелович часто приезжал и выставлялся в Париже; в 1980 году был признан одним из лучших художников Франции, в 1983 получил диплом Международной ассоциации искусствоведов в Нью-Йорке. Его выставки проходили в Европе и Америке, мастер много путешествовал, но «одной, но пламенной страстью» Александра Давидовича, до конца дней сохранявшего какую-то детскую непосредственность, оставалась Россия. Всего два дня он не дожил до исполнения главной мечты своей жизни.

И сегодня, когда посетители в зале Левицкого видят поразительный по красоте «Портрет неизвестной с розой» – картину, в которой с невероятной силой и мощью воплотился талант одного из лучших художников за всю историю России, так хочется вспомнить замечательного мастера и настоящего хранителя вечности – Александра Давидовича Копеловича.

Ольга Землякова, Виктор Леонидов